

В. Ю. Поржевинский.

ВАЖАЮЩИЕ МОМЕНТЫ
ВЪ ИСТОРИИ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВѢДЪНІЯ.

(Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ университѣтѣ
въ октябрѣ 1895 года).

Отміскъ изъ „Русск. Філолог. Вѣстника“

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье № 3.

130505

Дозволено Цензурою.

Варшава, 3 ноября 1897 года.

ВАЖНІЙШІ МОМЕНТИ
ВЪ ИСТОРИИ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВѢДЫНІЯ.

(Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ университѣтѣ
въ октябрѣ 1895 года).

Языковѣдніе имѣть своею задачею изслѣдованіе человѣческаго языка во всей его совокупности, а такъ какъ факты языка съ теченіемъ времени измѣняются, то, слѣдовательно, требуется изученіе ихъ исторіи. Историческое изученіе всѣхъ доступныхъ научному изслѣдованию языковъ необходимо является вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительнымъ, такъ какъ лингвистъ, изучая исторію извѣстнаго языка, путемъ сравненія его съ другими родственными языками, открываетъ, при условіи правильнаго примѣненія сравнительного метода, ту эпоху, когда изучаемый языкъ составлялъ одно цѣлое съ другими родственными языками. Кромѣ опредѣленія генетической связи между языками, для которыхъ вообще такая связь можетъ быть опредѣлена, кромѣ сравнительного изученія родственныхъ языковъ, лингвистъ долженъ также обратить вниманіе и на тѣ сходства и различія между языками, которые обусловливаются извѣстными сходствами и различіями въ физическихъ и духовныхъ условіяхъ. Что касается вопроса о происхожденіи языка, то психология должна выяснить намъ тѣ общія условія, при наличности которыхъ вообще возникаетъ языкъ словъ, языкъ

хак' ёху, который и составляет предметъ изученія въ языковѣдѣніи, т. е. должна выяснить вопросъ, какимъ образомъ можетъ образоваться связь какихъ бы то ни было звуковъ съ какимъ бы то ни было значеніемъ, вопросъ же о томъ, какъ образовалась въ данномъ языке связь данныхъ звуковъ съ даннымъ значеніемъ приводить настъ къ исторіи языка, и разрѣшеніемъ его должна заняться наука о языке.

Намѣтивъ тотъ кругъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ занимается наука о языке, или языковѣдѣніе, называемое, по обширному примѣненію сравнительного метода, сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, посмотримъ теперь, какимъ образомъ возникло научное отношеніе къ этимъ вопросамъ, какъ создалась наука о языке, являющаяся однимъ изъ недавнихъ приобрѣтеній человѣческаго ума, подъ какими вліяніями она развивалась и продолжаетъ развиваться.

Начало научному сравнительно-историческому изученію родственныхъ между собою языковъ было положено въ первой четверти текущаго столѣтія вышедшемъ въ 1816 г. первымъ лингвистическимъ трудомъ Франца Боппа по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ, а этотъ отдѣль нашей науки, на которомъ она создалась, и до сихъ поръ почти исключительно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе лингвистовъ.

Изученіемъ отдѣльныхъ языковъ и сравненіемъ ихъ между собою занимались уже съ давнихъ поръ. Къ послѣднему приводило, съ одной стороны, близкое сходство между собою нѣкоторыхъ, какъ мы теперь знаемъ, дѣйствительно родственныхъ языковъ (сходство греческаго языка съ латинскимъ было подмѣчено напр. еще античными грамматиками, хотя понималось ими неправильно), съ другой стороны, на нѣкоторыхъ еврейскихъ и европейскихъ ученыхъ эпохи Возрожденія и послѣдующаго времени оказывало вліяніе и библейское преданіе о происхожденіи различныхъ языковъ. Но это сравненіе не было научнымъ, потому что, во-первыхъ, ученые не

отдавали себѣ отчета въ томъ, можно ли вообще приводить въ генетическую связь факты сопоставляемыхъ языковъ, не спрашивали при каждомъ отдельномъ случаѣ, не имѣемъ ли мы дѣло съ заимствованіемъ или случайнымъ сходствомъ, а это происходило по той причинѣ, что, исходя изъ предвзятой мысли, они старались подтвердить ее фактами во что бы то ни стало, и, напримѣръ, Hadr. Relandus (1678—1718) видѣвшій, что американскіе языки никакъ не укладываются въ рамки его генеалогической классификаціи, не задумался объяснить это тѣмъ, что индѣйцы сознательно измѣнили свои языки изъ военной хитрости, лишивъ такимъ образомъ враговъ возможности понимать ихъ сигналы и командныя слова. Во-вторыхъ, такого рода сравненія, производившіяся часто и не ради доказательства общаго происхожденія языковъ, были лишены всякой исторической перспективы, даже если и производились между дѣйствительно родственными языками, т. е. при этомъ не отличали фактовъ болѣе древней эпохи въ жизни извѣстнаго языка отъ фактовъ болѣе новыхъ, сопоставляли, напримѣръ, непосредственно слова итальянскаго языка съ новоперсидскими. Къ этому надо добавить, что прайзыкомъ считали обыкновенно языкъ древнееврейскій. Шагъ впередь въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Лейбницемъ, которымъ была высказана мысль, что прайзыкъ въ настоящее время не существуетъ, а различные языки образовались вслѣдствіе разселенія народовъ изъ общей прародины, причемъ некоторые языки, напримѣръ, американскіе измѣнились до неузнаваемости. Имъ же было указано на необходимость сравненія между собою различныхъ эпохъ въ жизни одного и того же языка.

Въ XVIII в. продолжалась оживленная дѣятельность по части собиранія свѣдѣній о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ языкахъ, причемъ все болѣе и болѣе приходилось убѣждаться въ невозможности при имѣющихся средствахъ свести всѣ языки къ одному общему прайзыку; напримѣръ, даже іезуитъ Lorenzo Hervas (1735—1809)

утверждалъ, что языки имѣютъ различное происхожденіе, т. е. не сводятся къ одному праязыку; нельзя не поставить ему въ заслугу и попытки примѣнить къ дѣлу требование, высказывавшееся уже и до него, требование обращать вниманіе на весь грамматической строй языка, а не ограничиваться при сопоставленіи различныхъ языковъ лишь однимъ внѣшнимъ, иногда чисто случайнымъ сходствомъ отдельныхъ словъ. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе входила въ сознаніе закономѣрность развитія внѣшняго проявленія различныхъ сторонъ духовной дѣятельности, все болѣе и болѣе выяснялось понятіе объ исторіи языка, а увеличившееся къ самому концу XVIII в. знакомство съ санскритомъ должно было привести къ признанію того, что съ нѣкоторыми языками онъ имѣетъ глубокое сходство, а съ другими лишь случайное, въ отдельныхъ словахъ.

Не было, конечно, недостатка въ попыткахъ объяснить происхожденіе формъ и всего лексического запаса извѣстнаго языка изъ него самого, не обращаясь къ сравненію съ другими родственными языками; напримѣръ, школа Hemsterhusius'a-Lennep'a выводила всѣ греческие глаголы изъ сочетаній *ω*, *εω*, *ιω*, *οω*, *υω*, къ которымъ присоединялись различные согласные, и гдѣ *ω* изъ *ευω*. Такого рода попытки, однако, убѣждали лишь въ безплодности подобныхъ разысканій, дававшихъ широкій просторъ фантазіи. Къ тому же знакомство съ санскритомъ, его сравнительно большая древность и большая прозрачность его этимологического и морфологического строя, обнаруживающіяся во многихъ случаяхъ при сопоставленіи съ нѣкоторыми европейскими языками, все это вмѣстѣ взятое заставило лингвистовъ обратить свои взоры на священный языкъ индусовъ и искать въ немъ ключа къ разрешенію назрѣвшихъ вопросовъ.

Съ наибольшою полнотою выразились эти стремленія въ книгѣ Фридриха фонъ-Шлегеля „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier“ — „О языке и мудрости индійцевъ“, вышедшей въ 1808 г. и произведшей огром-

ное впечатлѣніе. Шлегель ознакомился довольно, впрочемъ, поверхностно съ санскритомъ и древнеиндійской литературой и философией въ Парижѣ, средоточіи тогдашнихъ ориенталистовъ, группировавшихся вокругъ Ecole des langues orientales, и изложилъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи тѣ впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ этихъ занятій, памѣтилъ много интересныхъ вопросовъ, напримѣръ, о родственныхъ отношеніяхъ санскрита къ другимъ языкамъ, о происхожденіи грамматическихъ формъ, о происхожденіи языка, о вліяніи восточной культуры на Европу, и на нѣкоторые изъ нихъ даль отвѣты, частью подсказанные предшественниками, частью на половину угаданные, по не добытыя всецѣло путемъ тщательного изслѣдованія фактовъ.

Значеніе труда Шлегеля заключается въ томъ, что онъ указалъ на важность изученія санскрита и ясно и опредѣленно высказалъ мысль о необходимости примѣнять сравнительный методъ при решеніи вопросовъ о генеалогической классификаціи языковъ, причемъ только такое сходство языковъ между собою слѣдуетъ считать доказательнымъ, которое не ограничивается болѣшимъ или меньшимъ количествомъ сходныхъ корней, но распространяется на внутренній строй и грамматику (*innere Struktur und Grammatik*). Кромѣ того Шлегелемъ требуется и историческое изученіе отдельныхъ языковъ, а именно по поводу персидского языка онъ говоритъ: „Было бы желательно, чтобы кто-нибудь . . . . предпринялъ изслѣдованіе вопроса, какова была пѣкогда грамматика персидского языка, не измѣнилась ли она въ нѣкоторыхъ частяхъ и не находилась ли она пѣкогда съ грамматикою индійского и греческаго языковъ въ соотношеніи болѣе близкомъ, чѣмъ въ настоящее время“. Что касается родственныхъ отношеній языковъ между собою, то Шлегель держится слѣдующихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Санскритъ имѣть весьма большое сходство съ латинск., греч., нѣмецк. и персидскимъ языками не только въ большомъ количествѣ корней, но и во всемъ грамматическомъ строѣ,

причемъ санскритъ древнѣе, а другіе, вышеназванные языки моложе и произошли изъ него. Въ этомъ послѣднемъ утвержденіи мы видимъ регрессъ сравнительно съ мнѣніями нѣкоторыхъ предшественниковъ Шлегеля, которые вполнѣ правильно понимали отношеніе санскрита къ родственнымъ языкамъ, возводя ихъ всѣ вмѣстѣ къ общему праязыку. Сходство санскрита съ армянскимъ языкомъ, языками славянскими и языкомъ кельтскимъ, по Шлегелю, незначительно, хотя его нельзя оставлять безъ вниманія, потому что и оно обнаруживается въ такихъ элементахъ, которые не могутъ быть причислены къ случайностямъ языка. Между санскритомъ, съ одной стороны, и уралоалтайскими, китайскими и малайскими языками, съ другой стороны, нѣть родства, такъ какъ грамматика ихъ отличается отъ санскритской кореннымъ образомъ. Примѣры, которые приводить Шлегель для доказательствъ своего положенія о родствѣ санскрита съ греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ и персидскимъ языками довольно удачны, но были известны по большей части уже раньше, и во всякомъ случаѣ недостаточны для полнаго индуктивного доказательства родства названныхъ языковъ между собою. Въ качествѣ примѣровъ должны по его мнѣнию, приводиться слова или тождественные, или имѣющія въ звуковой сторонѣ лишь такія отличія, которыя имѣютъ аналогію въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, имъ указывается на частое соответствие латинского *r* съ нѣмецкимъ *f*. Требованіе это не всегда исполняется Шлегелемъ на практикѣ, но тѣмъ не менѣе очень важно, что оно высказано здѣсь опредѣленно, и это мы должны поставить ему въ заслугу.

Несколько не умалая значенія Шлегеля, мы не можемъ, однако, считать его создателемъ научнаго языко-вѣданія, сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ въ частности, такъ какъ его книга содержитъ не изслѣдованіе, а лишь мысли по поводу таковаго, пожалуй программу; положенія его не доказаны путемъ тщательнаго изслѣдованія: для этого ему не доставало осно-

вательныхъ познаній въ этой области, да и былъ онъ скорѣе мечтателемъ, поэтомъ, а не ученымъ. Честь быть создателемъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ Францу Боппу (род. въ 1791 г.), обратившемуся къ изученію санскрита подъ вліяніемъ своего учителя, покровителя и друга д-ра Виндишмана, который, будучи мистикомъ, относился къ таинственному востоку съ особеннымъ интересомъ, подогрѣтымъ книгою Шлегеля.

Первое лингвистическое сочиненіе Франца Боппа вышло въ 1816 году и посіть, въ переводѣ на русскій языкъ, слѣдующее заглавіе: „О системѣ спряженія въ санскритѣ въ сравненіи съ таковою къ греческомъ, латинскомъ, персидскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ приложеніемъ эпизодовъ изъ Рамаяны и Магабгараты въ точномъ метрическомъ переводахъ съ оригинала и нѣкоторыхъ отдельловъ изъ Ведъ“. Эта небольшая книжка является первымъ трудомъ по сравнительноисторической грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ и имѣетъ огромное значеніе уже по одному тому, что Боппъ ясно и неопровергимо доказалъ общее происхожденіе названныхъ въ заглавіи языковъ путемъ сопоставленія фактовъ одного изъ важнѣйшихъ отдельловъ грамматики. То, что прежде чувствовалось, что частью даже пытались доказать, стало послѣ появленія книги Боппа доказаннымъ, неопровергимымъ фактъмъ. Самъ, впрочемъ, Боппъ выдвигаетъ на первый планъ другую задачу, а именно изслѣдованіе формъ спряженія по отношенію къ ихъ происхожденію. Въ этомъ первомъ своемъ трудахъ онъ ограничивается лишь санскритомъ, греческимъ, латинскимъ, персидскимъ и готскимъ языками, и это произошло по той причинѣ, что съ прочими индоевропейскими языками онъ въ то время былъ мало знакомъ, да они и не получили еще такой грамматической обработки, которая дала бы возможность привлечь ихъ къ сравнительно-историческому изученію. Мало по малу, частью благодаря собственнымъ работамъ, частью благодаря работамъ другихъ, кругозоръ Боппа въ

этомъ отношении расширился, и онъ привлекъ къ сравнительно-историческому изученію, хотя и не въ одинаковой степени, всѣ вѣти индоевропейской семьи языковъ въ ихъ наиболѣе древнихъ представителяхъ. Главный его лингвистический трудъ, его „Сравнительная грамматика“ начала выходить 1-мъ изданіемъ съ 1833 г.; во второмъ изданіи, первый томъ которого появился въ 1857 г., это сочиненіе озаглавлено, въ переводѣ на русскій языкъ, слѣдующимъ образомъ: „Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческаго, латинскаго, литовскаго, старославянскаго, готскаго и немецкаго языковъ“. Въ предисловіи къ 1-му тому этого капитального труда въ 1-мъ его изданіи Боппъ говоритъ: „Я намѣренъ представить въ этой книгѣ сравнительное, охватывающее все родственное описание организма названныхъ въ заглавіи языковъ, изслѣдовать ихъ физические и механические законы, а также происхожденіе формъ, обозначающихъ грамматическую отношенія“. Главная задача Боппа — это изслѣдованіе вопроса о происхожденіи формъ индоевропейского прадынка; по словамъ Боппа, происхожденіе и первоначальное значеніе формъ индоевропейского прадынка въ большинствѣ случаевъ могутъ быть познаны непосредственно путемъ сопоставленія отдельныхъ индоевропейскихъ языковъ, поэтому необходимо сравнить между собою ихъ организмы, а такъ какъ родственныя по происхожденію образованияя являются въ отдельныхъ языкахъ сплошь и рядомъ въ нетождественномъ звуковомъ видѣ, то необходимо изслѣдовать тѣ законы, по которымъ происходятъ измѣненія этого звукового вида. Боппъ опредѣляетъ ихъ, какъ физические и механические законы, и изъ отвѣта, даннаго имъ на запросъ M. Bréal'я, переводчика его „Сравнительной грамматики“ на французскій языкъ, видно, что подъ физическими законами онъ подразумѣваетъ вообще то, что мы называемъ фонетическими, звуковыми законами, а подъ механическими законами онъ разумѣеть взаимное отношеніе по силѣ корня и окончанія, т. е., напр., сильный звуковой видъ корня

въ древнеинд. *émi* (тожд. съ греч. *εἰμι*) «я иду» объясняется, по Боппу, присутствиемъ легкаго окончанія -*mi*, а слабый звуковой видъ корня въ *imás* «мы идемъ» объясняется тяжестью окончанія -*mas*. Изъ сопоставленія фактъ языковъ, родственныхъ съ древнеиндійскимъ, легко убѣдиться, что не всегда одному и тому же звуку древнеиндійскаго языка соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же звукъ, положимъ, греческаго языка; напримѣръ, мы имѣемъ, съ одной стороны, соотвѣтствіе древнеинд. *dadāmi*, съ греч. *δίδωμι*, а съ другой стороны, мы имѣемъ древнеинд. *dulhitár-* и греч. *Φούστερ-*. Если мы не зададимся вопросомъ о природѣ звуковыхъ законовъ, то мы очень легко отнесемся къ такого рода случаямъ, не поищемъ объясненія для нихъ, а удовлетворимся, сказавъ себѣ: обыкновенно бываетъ такъ, а иногда, какъ исключение, иначе. Таково было въ общемъ и отношеніе Боппа къ звуковымъ законамъ; онъ говоритъ, что въ языкѣ нельзя искать законовъ, которые обладали бы болѣе силой сопротивленія, чѣмъ берега морей и рекъ. Отсюда понятно, что Боппъ иногда принималъ самые причудливые переходы одного звука въ другой, не затруднялся ссылаться на аналогію другихъ языковъ, если не находилъ при этомъ аналогичныхъ случаевъ въ данномъ языкѣ. Имъ была предпринята, между прочимъ, попытка доказать родство индоевропейскихъ языковъ съ малайскими, возможна при средствахъ, которыми располагалъ Боппъ, лишь при такомъ отношеніи къ звуковымъ законамъ и окончившейся полной неудачей. При сопоставленіи же индоевропейскихъ языковъ между собою, при значительной ихъ близости другъ къ другу даже въ звуковомъ отношеніи, гениальный взоръ Боппа угадывалъ родственное даже въ формѣ, въ значительной степени замаскированной, и иногда даже онъ готовъ былъ признать, что въ звуковыхъ законахъ нѣтъ безграничного произвола; сами факты наводили его на это. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности Боппъ допускалъ еще возможность того, что санскритъ — родоначальникъ прочихъ индоевропейскихъ

языковъ, хотя рядомъ мы у него находимъ и вполнѣ вѣрное пониманіе отношенія санскрита къ другимъ родственнымъ языкамъ, причемъ онъ угадывалъ чуьемъ, что санскритъ далеко не всегда представляетъ факты праязыка въ болѣе древнемъ ихъ видѣ, но впослѣдствіи онъ подчинился въ этомъ послѣднемъ отношеніи господствовавшему тогда противоположному убѣжденію.

Говоря о недостаткахъ Боппа со стороны методологической, я нисколько не хочу умалить его великихъ заслугъ, какъ творца сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, созданіемъ которой мы обязаны его гениальнымъ дарованіямъ; мы не должны забывать того, что Боппъ долженъ былъ еще доказывать общее происхожденіе индоевропейскихъ языковъ, что онъ изъ огромной массы фактовъ отдѣльныхъ языковъ долженъ былъ выбрать родственные элементы, элементы, которые мы можемъ возвести къ одному источнику, и что въ то время только еще начинался пересмотръ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся жизни языка вообще; отсюда понятно, почему Боппъ не останавливался подробно на изслѣдованіи тѣхъ законовъ, по которымъ одинъ и тотъ же фактъ индоевропейского праязыка подвергся различнымъ измѣненіямъ въ отдѣльныхъ языкахъ и не опредѣлялъ точно фактовъ самого праязыка: для него важно было подмѣтить въ отдѣльныхъ языкахъ родственные элементы, указать ихъ возможно большее число, а не слѣдить шагъ за шагомъ за измѣненіями ихъ звуковой стороны.

Приблизительно въ одно время съ Боппомъ жилъ и дѣйствовалъ Яковъ Гrimmъ, вліяніе котораго сказалось очень сильно на нашей наукѣ, и котораго мы должны поставить рядомъ съ Боппомъ. Первый томъ „Нѣмецкой грамматики“ Гrimма вышелъ въ 1819 г., и, слѣдовательно, три года спустя послѣ появленія первого труда по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ, Гrimмъ вполнѣ независимо отъ Боппа примѣнилъ исторический методъ къ изслѣдованію отдѣльной вѣтви индоевропейской семьи языковъ, именно къ вѣтви нѣмецкой.

При этомъ оказалось, что звуки въ языкѣ измѣняются съ течениемъ времени съ извѣстною правильностью, и огромное значеніе труда Гrimма заключается прежде всего въ томъ, что онъ своимъ закономъ о передвиженіи согласныхъ въ нѣмецкихъ языкахъ обратилъ вниманіе лингвистовъ на закономѣрность фонетическихъ явленій и мало по малу они стали относиться къ нимъ гораздо строже и искать въ фонетическихъ законахъ надежнаго руководителя при своихъ сопоставленіяхъ. Первый, кто ясно высказалъ и примѣнилъ это требование къ дѣлу, былъ Августъ Фридрихъ Поттъ, „Этимологическая разысканія“ котораго начали выходить съ 1833 года. Затѣмъ работы Гrimма, посвященные исторической грамматикѣ одной индоевропейской вѣти, добытыми такимъ образомъ результатами обратили вниманіе лингвистовъ на необходимость тщательного изслѣдованія фактовъ отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ, и на этой почвѣ работали Коггенъ, Курціусъ, Миклошичъ, Шлейхеръ и многие другіе.

Разматриваемый периодъ въ исторіи нашей науки, начавшійся такъ блестяще, заканчивается сочиненіемъ Шлейхера „Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ (первый томъ вышелъ въ 1861 году). Отъ этого труда Шлейхера получается совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ отъ „Сравнительной грамматики“ Боппа. Боппу еще приходилось доказывать родство индоевропейскихъ языковъ между собою, и потому у него на первый планъ выдвигаются общіе отдѣльнымъ языкамъ элементы, причемъ, при сравненіи между собою родственныхъ по образованію формъ отдѣльныхъ языковъ, попутно указывается въ общихъ чертахъ ихъ исторія, Шлейхеръ же, работавшій уже на почвѣ, значительно расчищенной трудами Боппа и его сверстниковъ, выдвигаетъ на первый планъ индоевропейской праязыкъ и изслѣдуетъ исторію его фактовъ въ отдѣльныхъ языкахъ, его потомкахъ, поэтому Compendium и съ вѣнчаніей стороны отличается отъ „Грамматики“ Боппа, кото-

рам представляет связное изложение, причемъ факты отдельныхъ языковъ переплетаются между собою, между тѣмъ какъ Compendium безъ особаго труда можно разбить на рядъ отдельныхъ грамматикъ. Что касается вопроса о происхожденіи формъ индоевропейскаго пражзыка, то Шлейхеръ стоитъ на почвѣ агглютинативной теоріи Боппа, хотя въ нѣкоторыхъ отдельныхъ слушаяхъ даетъ фалтамъ иное объясненіе; далѣе, по отношенію къ звуковымъ законамъ онъ принципіально допускаетъ измѣненіе одного и того же звука въ одномъ и томъ же языке въ одну и ту же эпоху въ различныхъ направленіяхъ безъ всякихъ видимыхъ условій, допускаетъ исключенія въ области звуковыхъ измѣненій, хотя на практикѣ относится къ нимъ строго и пытается дать хоть какое-нибудь объясненіе такого рода случаевъ: видно, что не даромъ работали Гриммъ, Поттъ и другіе, и фонетика занимаетъ весь первый томъ Compendium'a, состоя изъ цѣлаго ряда обдуманныхъ и точно формулированныхъ звуковыхъ законовъ. Взглядъ Боппа на измѣненія, происходящія съ теченіемъ времени въ языкахъ, какъ на процессъ болѣзненный, процессъ разложенія, принять былъ Шлейхеромъ и, подъ влияниемъ Гегеля, развитъ въ цѣлое ученіе о двухъ периодахъ въ жизни языка: периодъ созиданія, периодъ доисторическомъ, и периодъ разрушенія, историческомъ. Отдельные индоевропейскіе языки вступили въ этотъ историческій периодъ съ момента выдѣленія изъ общаго пражзыка, взгляды на который высказанные Шлейхеромъ были вскорѣ подвергнуты критикѣ, несмотря на его убѣжденіе въ томъ, что они „sichere Ergebnisse“.

Для индоевропейскаго пражзыка въ эпоху его распаденія Шлейхеръ принималъ слѣдующія гласныя: a, i, u; aa стянувшееся въ ā, a+i, давшее ai, и a+u, давшее au, какъ первое поднятіе и aa, давшее ā, aai, давшее āi, и aau, давшее aii, какъ второе поднятіе. Что касается a, то еще Гриммъ утверждалъ, что въ индоевроп. пражзыкѣ не было гласныхъ e и o, такъ какъ 1) ихъ не

знаетъ древнеиндійскій языкъ, и 2) не всѣ европейскіе языки согласны между собою въ этомъ отношеніи: готскій языкъ въ соотвѣтствіи съ є другихъ языковъ представляетъ вообще ѓ; литовскій языкъ не имѣть ѓ; по аналогіи съ этимъ, а частью и по другимъ основаніямъ заключали, что въ прайзыкѣ не существовало є и ѿ. Бопиъ, державшійся въ началѣ, какъ мы можемъ судить по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій и писемъ, другаго мінѣнія, примкнулъ впослѣдствіи къ этому ученію Гrimma. Что касается теоріи поднятій, то она заимствована у индійскихъ грамматиковъ, которые, надо сказать, были послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ европейскіе ученые, а именно Шлейхеръ принялъ ученіе Бопиа о томъ, что древнеиндійское г въ чередованіи его съ аг (напр. основа patar- со значеніемъ «отецъ» при patu-) надо понимать, какъ ослабленіе слога аг, между тѣмъ какъ, объясняя ai изъ a+i, надо объяснять, очевидно, и аг изъ a+g, т. е. считать аг первымъ поднятіемъ, а нормальной ступенью г. Основная гласная а подвергается, по Шлейхеру, въ отдѣльныхъ языкахъ 1) полному исчезновенію; 2) ослабленію въ і и и; 3) измѣненію въ е и о, причемъ исчезновеніе и ослабленіе ставятся въ зависимость, между прочимъ, отъ ударенія безъ дальнѣйшихъ, впрочемъ, поясненій, а измѣненіе его въ е и о Шлейхеръ лишь отчасти пытается объяснить вліяніемъ соѣдніихъ звуковъ, и это явленіе остается въ концѣ концовъ необъясненнымъ. Съ этого послѣдняго пункта и началась критика всей системы, приведшая, какъ мы увидимъ, не только къ фактическимъ, но и цѣннымъ методологическимъ пріобрѣтеніямъ.

Въ 1874 г. Курціусъ указалъ на то, что измѣненіе а въ е повторяется въ европейскихъ языкахъ нашей семьи, за исключеніемъ лишь готскаго языка, съ значительной правильностью въ извѣстныхъ грамматическихъ категоріяхъ, напр., въ основѣ настоящаго времени глаголовъ класса греч. φέρω,ср. лат. fero, ст.-слав. бе́рж, кельтск. berim, и что это обстоятельство исключаетъ воз-

можность случайного совпадения языковъ въ этомъ отношеніи, какъ это допускалъ Шлейхеръ. Курціусъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что измѣненіе а въ е произошло не въ каждомъ языкѣ отдельно, а въ эпоху ихъ совмѣстной жизни, причемъ, въ виду индоиранскаго а, являющагося въ соотвѣтствіи съ европ. е (древнеинд. *bhārāmi*), останавливается на мысли о совмѣстной жизни европейскихъ народовъ индоевропейскаго племени уже по отдѣленіи отъ азіатскихъ сородичей, т. е. на признаніи европейскаго праязыка, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе къ такому же выводу пришелъ Лоттнеръ, ссылавшійся, между прочимъ, на европейское I, между тѣмъ какъ для индоиранскаго и индоевропейскаго праязыка въ то время принимали лишь одно г. Гласная i, являющаяся въ готскомъ языке въ соотвѣтствіи съ гласной е другихъ европейскихъ языковъ нашей семьи (ср. гор. ist, лат. est, греч. ἔστι, ст.-сл. есть), является, слѣдовательно, не ослаблениемъ непосредственно исконнаго а, а европ. е, которое по Курціусу и сохранилось въ готскомъ языке при положеніи передъ г и h, ср. г. baira съ греч. φέρω.

Дальше Курціуса пошелъ Амелунгъ (статьи его появлялись въ 1871, 1874 и 1875 гг.), который утверждалъ, что европ. e получилось изъ индоевропейскаго а, а европ. o и a, какъ видоизмѣненіе этого послѣдняго, изъ индоевроп. ā, въ древнеинд. же языкахъ изъ индоевроп. a получилось a, изъ индоевроп. ā — a и ā. Къ этому выводу привело его наблюденіе надъ чередованіемъ гласныхъ въ глаголѣ, а именно онъ указалъ на то, что греч. δέδορχε соотвѣтствуетъ древнеинд. dadarça, а греч. γέγονε — древнинд. ḡagāna, а такъ какъ немыслимо, какъ это допускалъ Шлейхеръ, чтобы въ одной и той же грамматической категоріи являлась то основная гласная, то 1-е поднятіе -ā, то, слѣдовательно, первое поднятіе въ древнеинд. яз. является въ видѣ a и ā. На подробностяхъ теоріи Амелунга я не останавливаюсь въ виду того, что на нее обратили вниманіе уже послѣ появленія статей Бругмана, который не зналъ его выводовъ. Итакъ,

мы видимъ, что Амелунгъ первый сдѣлалъ попытку возвести европ. е и о (а) къ двумъ различнымъ звукамъ индоевроп. праязыка; противъ „расщепленія“ одного звука въ праязыка въ дальнѣйшей жизни каждого отдельнаго его потомка на нѣсколько звуковъ, не оправдываемаго никакими видимыми условіями, онъ возсталъ рѣшительно въ теоріи, хотя на практикѣ самъ отступалъ отъ этого требованія (ср. европ. о и а, какъ его видоизмѣненіе).

Въ 1876 году появились статьи Бругмана, которыми онъ такъ блестяще началъ свою ученую дѣятельность. Онъ указалъ на то, что европ. о соотвѣтствуетъ въ древнеинд. языкѣ передъ одной согласной не въ концѣ слова *ā*, а передъ двумя *a*, ср. приведенные *dadarça* и *gaganā*. Впослѣдствіи Бругманъ опредѣлилъ точнѣе, что въ древнеинд. языкѣ *ā* соотвѣтствуетъ при указанномъ положеніи только такому европейскому *o*, которое является въ чередованіи съ *e*. Изъ указанного правила видно, что мы находимъ и въ древнеинд. языкѣ извѣстное соотвѣтствие различію между европ. *e* и европ. *o*, а именно европ. *e* соотвѣтствуетъ древнеинд. *a*, а *e* европ. *o* при извѣстномъ условіи *ā*; отсюда неизбѣжно выводъ: индоевроп. праязыкъ имѣть не одно *a*, а два звука, которымъ Бругманъ даетъ условные обозначенія *a₁* и *a₂*. Къ этимъ звукамъ онъ присоединяетъ еще одно *a*, которое извлекаетъ изъ слѣдующихъ соотвѣтствий: древнеинд. *agāmī*, греч. ἄγω, лат. *ago*; др.-инд. *pitā*, греч. πατήρ, лат. *pater*. Впослѣдствіи было доказано, что то греч. и лат. *a*, которому соотвѣтствуетъ въ древнеинд. языкѣ не *a*, а *i*, восходитъ къ особому звуку индоевроп. праязыка, отличавшемуся отъ того звука, къ которому восходитъ древнеинд. *a*, являющееся въ соотвѣтствіи съ европ. *a*.

Другіе лингвисты — Johann Schmidt и Collitz, не принявши правила Бругманна о появленіи при извѣстномъ условіи въ индоиранскихъ языкахъ *ā* изъ индоевр. *a₂*, съ своей стороны, указали на то, что древнеинд. є

и Ѹ являются, какъ смягченіе k и g, фонетически лишь передъ такимъ а, которому въ екрапейскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ e;ср. древнеинд. čatvāras съ слав. четыре, литовск. keturi, греч. τέτταρες, гдѣ т изъ k; древнеинд. ḡanas съ гр. γένος; съ другой стороны, древнеинд. мѣстоименную основу ка- ср. съ старослав. мѣст. основой ко-, лат. quo-; древнеинд. уngám съ греч. οὐγόυ, лат. ѹндum. Итакъ, и тѣ лингвисты, которые не приняли правила Бругмана, давал тѣмъ фактамъ, которые объясняются этимъ путемъ, другія, маловѣроятныя объясненія, съ другой стороны, пришли къ тому же, къ чему привелъ Бругманъ: европ. e и o восходятъ къ двумъ различнымъ звукамъ праязыка, которые различаются извѣстнымъ образомъ и въ ипдоиранскихъ языкахъ. Далѣе послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ открытій относительно звукового состава индоевроп. праязыка, и лингвисты окончательно покончили съ теоріей „расщепленія“, наоборотъ, во многихъ случаяхъ было доказано совпаденіе нѣсколькихъ звуковъ праязыка въ одномъ звуке его потомка; напр. въ герм. a, слав. o совпали два звука праязыка, различающіеся въ другихъ европ. языкахъ нашей семьи, а именно a° и a². На исторіи всѣхъ этихъ открытій я здѣсь не могу останавливаться, такъ какъ для меня важно слѣдить не столько за фактическими, сколько методологическими пріобрѣтеніями въ области нашей науки, которые явились результатомъ критики ученія Шлейхера, но прежде чѣмъ говорить о нихъ, я долженъ вкратцѣ разсказать судьбу другой части ученія Шлейхера о вокализмѣ ипдоевропейск. языка, именно судьбу его теоріи поднятій.

Шлейхеръ, слѣдя Гrimmu и индійскимъ грамматикамъ, понималъ чередованіе (въ различныхъ образованіяхъ отъ одного и того же корня) гласныхъ а, ӓ, гласной і съ дифтонгами ai, ӓi и гласной u съ дифтонгами au и ӓu слѣдующимъ образомъ: для различенія словъ, обрезованныхъ отъ одного и того же корня, для выраженія различныхъ грамматическихъ отношеній къ основ-

нымъ гласнымъ въ корнѣ а, i, и присоединяется еще а — первое поднятіе, а къ образовавшимся такимъ образомъ ā, ai, аи еще а — второе поднятіе. Съ другой стороны, мы видѣли, что Боппъ объяснялъ различие въ звуковомъ видѣ корня (папр. древнеинд. ēmī = ε̄μι при imás — 1-ое л. мн. ч.) различною тяжестью окончанія; такого рода объясненіе, очевидно, неудовлетворительно, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для различенія звуковъ и слововъ по тяжести. Еще въ 1841 г. Holtzmannъ высказалъ вѣрную мысль, что чередованіе въ звуковомъ видѣ корня находится въ зависимости отъ положенія ударенія, ср. древнеинд. ēmī при imás. Первый, кто провелъ этотъ взглядъ съ извѣстною послѣдовательностью, былъ Бенфей; съ одной стороны, онъ привелъ ослабленіе и полное исчезновеніе исконной гласной а въ зависимость отъ ея положенія въ слогѣ безъ ударенія при положеніи передъ слогомъ съ удареніемъ: ср. греч. πατρός при πατέρα; съ другой стороны, онъ объяснялъ чередованіе гласныхъ i и u съ дифтонгами слѣдующимъ образомъ: гласные i и u, попадая подъ удареніе, получаютъ передъ собою а, такъ какъ оно одно можетъ имѣть на себѣ удареніе, гласная же а остается въ аналогичномъ положеніи безъ измѣненія. Шерерь, авторъ извѣстной книги Zur Geschichte der deutschen Sprache, вышедшей въ 1868 г., вывелъ изъ наблюдений надъ возникновенiemъ нововерхненѣмецкихъ дифтонговъ изъ средневерхненѣмецкихъ долгихъ гласныхъ (ср. срн. hūs, ннн. haus) то заключеніе, что и дифтонги индоевроп. языка получились не непосредственно изъ гласныхъ i и u путемъ присоединенія гласной а, какъ думалъ Бенфей, а изъ i и u долгихъ при положеніи подъ ударениемъ; гласная а при наличии условій, вызывающихъ появление ai и au, протягивается. Итакъ, слѣдовательно, въ той индоевроп. основѣ въ различныхъ ея видахъ, которая является въ греческой основе со значеніемъ «отецъ», неслабымъ, нормальнымъ видомъ будетъ тотъ, который заключалъ въ словообразовательномъ суффиксе краткую

гласную, изъ которой получилось греч. ε (греч. πατερ-), слабымъ видомъ будеть тотъ, который является въ греч. πατρ-, и сильнымъ видомъ тотъ, который заключаль въ словообразовательномъ суффиксѣ долгую гласную (греч. πατηρ-). Принципъ, выставленный Holtzmann'омъ и послѣдовательно проведенный Бенфеемъ и Шереромъ только тогда могъ восторжествовать надъ старой динамической теоріей, когда стало несомнѣннымъ, что чередование въ положеніи ударенія въ связи съ чередованіемъ звуковыхъ видовъ самыхъ основъ, наблюдалось въ древнеинд. языкѣ и сохранившееся въ остаткахъ въ греческомъ языке, существовало и въ индоевропейскомъ праязыке, а это стало доказаннымъ фактомъ лишь послѣ блестящаго открытия Вернера, который въ 1876 году указалъ на зависимость нѣмецкаго передвиженія согласныхъ, открытаго Гrimmomъ, въ известной его части, представлявшейся до тѣхъ порь непонятнымъ исключеніемъ, отъ положенія существовавшаго нѣкогда въ нѣмецкомъ языке свободнаго ударенія, причемъ оказалось, что мѣсто его со-виадасть въ общемъ съ мѣстомъ ударенія въ ведийскомъ нарѣчіи древнеинд. языка.

За дальнѣйшимъ развитиемъ вопроса о чередованіи въ индоевроп. языке сильного и слабаго вида корня, а также различныхъ по качеству гласныхъ (напр., съ чередованіемъ гласныхъ е и о, полученнымъ изъ индоевр. праязыка, въ russk. «несу»—«носъ» [во 2-ой части сложныхъ словъ] ср. такое же чередованіе въ греч. языке въ φέρω—φόρος) я слѣдить не буду и лишь замѣчу, что и до сихъ порь въ этой области много неяснаго, несмотря на цѣлый рядъ работъ современныхъ лингвистовъ по этимъ вопросамъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію разработки вопросовъ, возникшихъ при пересмотрѣ известныхъ частей ученія Шлейхера, я перейду теперь къ общей характеристикѣ направлений, создавшагося на этой почвѣ, представители котораго въ Германіи Лескинъ, Бругманъ,

Остгофъ, Пауль окрещены именемъ младограмматиковъ—
Junggrammatiker.

Я уже указывалъ на то, что лингвисты послѣ Боппа, допуская принципіально довольно большую свободу по отношенію къ звуковымъ явленіямъ, на практикѣ, по мѣрѣ увеличенія знаній въ этой области, становились все строже и строже; благодаря открытіямъ начала семидесятыхъ годовъ, о которыхъ я говорилъ выше, получивъ надлежащее объясненіе цѣлый рядъ непонятныхъ прежде явленій въ области фонетики; съ другой стороны, лингвисты стали съ болѣшимъ интересомъ относиться къ изученію фактovъ новыхъ языковъ, безъ пониманія которыхъ, конечно, крайне трудно разобраться въ неполномъ и часто неточномъ матеріалѣ, представляемомъ мертвыми языками. Все это заставило ученыхъ посмотретьъ съ другой точки зрењія на природу звуковыхъ законовъ и признать, что непослѣдовательности въ ихъ дѣйствіи нельзя объяснить непослѣдовательностью самихъ законовъ, какъ это дѣлали раньше, а свойствами той среды, въ которой они проявляютъ свое дѣйствіе. Первымъ, кѣмъ въ печати была высказана мысль, что звуковые законы сами по себѣ не допускаютъ исключений, былъ Лескинъ въ 1876 году. Какъ же слѣдуетъ понимать эту безусловность звуковыхъ законовъ при наличности такъ называемыхъ исключений? Прежде всего нельзя забывать различія, существующаго между звуковыми законами и тѣми законами, которые открываетъ наука о природѣ или математика. Фонетические законы не говорятъ о томъ, что должно получиться всегда и безусловно при наличности извѣстныхъ условій, они лишь констатируютъ, что извѣстное измѣненіе звука или группы звуковъ произошло или происходитъ въ данный историческій моментъ съ большою послѣдовательностью. Изъ наблюденія надъ живыми языками оказывается, что не только языкъ всѣхъ членовъ данного общества не безусловно тождественъ съ фонетической стороны (какъ онъ нетождественъ по синтаксису и лексикѣ), но даже языкъ отдельного инди-

видуума въ различные эпохи его жизни представляетъ извѣстныя различія; слѣдовательно, строго говоря, мы можемъ говорить о безусловной послѣдовательности звуковыхъ законовъ лишь по отношенію къ отдельному индивидууму, да и то лишь въ каждый извѣстный моментъ. Съ другой стороны, каждый индивидуумъ, живя въ обществѣ, испытываетъ вліяніе со стороны другихъ индивидуумовъ и самъ оказывается его на нихъ; вслѣдствіе этого, путемъ въ большинствѣ случаевъ очень сложныхъ процессовъ, языкъ его поддерживается постоянно на одномъ уровнѣ съ прочими членами данного общественного союза, такъ что на долю индивидуальности каждого члена въ отдельности остается сравнительно лишь немногое. Вотъ почему мы имѣемъ право говорить о фонетическихъ законахъ данного діалекта, данного языка вообще; при этомъ мы, слѣдовательно, оставляемъ въ сторонѣ всѣ случайные, индивидуальные отклоненія въ ту или другую сторону; конечно, это еще не значитъ, что мы имѣемъ право оставить ихъ безъ изученія вообще. Далѣе отсюда же понятно, что лишь такая индивидуальная черта въ произношениі получаетъ дальнѣйшее развитіе, которая встрѣчаетъ поддержку со стороны другихъ индивидуумовъ, возникаетъ у большаго ихъ числа заразъ. Если такимъ путемъ развивается какая-нибудь особенность въ произношениі извѣстнаго звука или группы звуковъ или вместо извѣстнаго звука или цѣлаго ихъ комплекса является другой звукъ или другой комплексъ, то это произойдетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ данный звукъ или комплексъ звуковъ находится въ тождественныхъ условіяхъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не оказывается своего вліянія какой-нибудь фонетической факторъ, напримѣръ, сосѣдство съ извѣстнымъ звукомъ, положеніе въ началѣ или концѣ слова, положеніе ударенія. Такъ называемыя исключенія — это 1) слова заимствованыя изъ чужаго языка или изъ другаго діалекта того же языка уже по окончанію дѣйствія извѣстныхъ звуковыхъ законовъ, причемъ попутно, эти слова подлежать въ надле-

жащихъ случаю дѣйствію законовъ, еще живущихъ, вновь возникающихъ или имѣющихъ возникнуть, если только не создаются искусственныя условія, какъ это обыкновенно бываетъ въ литературномъ языѣ; 2) это тѣ случаи, гдѣ данный звуковой законъ не могъ проявиться въ силу того, что здѣсь на лицо не всѣ нужные условія или есть условія, препятствующія его дѣйствію; 3) это новообразованія или нефонетическія измѣненія по аналогії. Примѣрами первой категоріи случаевъ могутъ служить въ русскомъ литературномъ языѣ слова «надежда», «одежда», заимствованныя изъ церковнославянского языка, при народныхъ «надѣжса», «одѣжса»; въ качествѣ примѣровъ для второй категоріи случаевъ я укажу русск. несъ — неслѣ, несу, твѣрдый — твердыня и т. п.; ср. также различіе въ исторіи общеславянскаго *т*, а также въ русскомъ языѣ, вызванное тѣмъ, былъ ли этотъ звукъ, въ зависимости отъ различія въ положеніи его въ словѣ, слоговымъ, или неслоговымъ, напримѣръ, р. сонъ, сна — общесл. сънъ, съна, р. лобъ, лба — общесл. лъбъ — лъба, р. ленъ — льна (здѣсь въ имѣеть лишь графическое значение), общеслав. лыпъ — лыча, р. песь — пса, общеслав. пысь — пыса и т. п.; изъ общеслав. языка помимо именъ существительныхъ, однородныхъ съ приведенными мною, гдѣ мы находимъ такъ называемые «блѣглые» звуки *о* и *е*, были получены также имена существительныя такого же типа съ гласными *о* и *е* изъ старыхъ *о* и *е*, напримѣръ, нось — носа, клепъ — клена; вслѣдствіе этого легко понятны такія новообразованія, какъ сотъ — сота (гдѣ *о* изъ *о*) и, съ другой стороны, ледъ — льда (гдѣ *е* старое) вмѣсто ожидаемыхъ по фонетическимъ законамъ: сотъ — ста и ледъ — леда.

Вопросъ о новообразованіяхъ по аналогії приводить насъ ко второму пункту, къ разсмотрѣнію того, что такое аналогія въ языѣ. Уже Потть, Бенфей, Курціусъ, даже Боппъ искали объясненія нѣкоторымъ такъ называемымъ исключеніямъ во вліяніи, оказываемомъ одними случалми на другіе, стоящиye къ нимъ въ извѣстномъ от-

ношениі; напримѣръ, Потть вполнѣ правильно объяснилъ лат. honor вм. древняго honos вліяніемъ косвенныхъ падежей, гдѣ издавна законное г, но въ такого рода явленіяхъ видѣли извѣстныя неправильности, извѣстныя уклоненія языка въ сторону съ прямаго пути, и заслуга юнг-грамматиковъ въ томъ, что они и этотъ вопросъ поставили на правильную теоретическую почву.

Психологія говоритъ намъ, что психические элементы, данные разъ въ нашемъ сознаніи, при наличности условій, на которыхъ я здесь не могу останавливаться, появляются въ немъ вновь; извѣстная психологическая школа принимаетъ, что въ данномъ случаѣ психические элементы опускаются за порогъ сознанія, въ область бессознательного, и этотъ взглядъ раскрыывается также некоторыми германскими лингвистами, разрабатывавшими вопросы объ общихъ условіяхъ жизни языка. Этотъ психологической законъ надо имѣть въ виду при разсмотрѣніи психическихъ процессовъ, имѣющихъ отношеніе къ языку. Съ одной стороны, мы получаемъ впечатлѣнія отъ движений органовъ рѣчи, необходимыхъ для произнесенія данныхъ звуковъ или словъ, а, съ другой стороны, извѣстная слуховая впечатлѣнія, какъ отъ собственной, такъ и отъ чужой рѣчи. Представленія этого рода ассоциируются между собою и вступаютъ въ свою очередь въ связь по ассоціаціи съ извѣстными представлѣніями, для которыхъ они служатъ символами. Такимъ образомъ получаются извѣстные группы, которые могутъ переплеться между собою въ различныхъ направленияхъ. Съ одной стороны, получаются группы, обязанныя своимъ возникновеніемъ ассоціаціи по сходству значеній, съ другой, группы, образуемыя благодаря ассоціаціи по сходству звуковой стороны, причемъ въ извѣстныхъ группахъ можетъ быть та и другая связь. Такимъ образомъ ассоциируются между собою всѣ падежи данного слова (здесь оба момента: сходство въ части значенія, сопровождающееся сходствомъ въ части звуковъ), всѣ образованія будущаго времени, случаи чередованія *k* и *g* задне-

небныхъ съ *к* и *г* средненебными въ зависимости отъ качества слѣдующей гласной (здѣсь второй моментъ) и т. д. Однородныя группы и отдѣльные ихъ элементы вступаютъ между собою въ пропорціональныя отношенія: напримѣръ, въ русскомъ языѣ несешь == веду : ведешь == плету : плетешь и т. д. Всѣ эти группы составляются у насъ первоначально безъ всякаго участія грамматики путемъ практическимъ, путемъ постепенно расширяющагося опыта, и лишь впослѣдствіи, при обученіи грамматикѣ, получаютъ санкцію, частью нормировку; при обученіи иностранному языку, если оно начинается изученіемъ грамматики, такія группы создаются, такъ сказать, искусственнымъ путемъ по даннымъ шаблонамъ. Разъ созданныя группы подвергаются съ теченіемъ времени извѣстнымъ измѣненіямъ. Съ одной стороны напр. фонетическія измѣненія звукового вида создаются въ тѣхъ группахъ, гдѣ къ связи по сходству въ части значенія присоединяется связь по сходству въ части звуковъ, извѣстныя различія, которыхъ уже послѣ того, какъ прекратить свое дѣйствіе условія, вызывающія тѣ или другія фонетическія явленія, мы стремимся уничтожить и дѣйствительно уничтожаемъ при наличности извѣстныхъ условій, на которыхъ я здѣсь не могу останавливаться; напримѣръ, въ русскомъ языѣ устранио чередованіе между *к* и *ц* въ извѣстныхъ формахъ склоненія словъ класса *рука*, полученное изъ общеславянскаго языка; съ другой стороны, вслѣдствіе перекрещиванія группъ между собою въ разныхъ направленіяхъ, отдѣльное слово или дѣлая группа можетъ перейти изъ одной группы въ другую; напримѣръ, въ славянскихъ языкахъ старыя именныя основы на *и*, основы класса *сынъ*, совпадавшія въ извѣстныхъ падежахъ съ старыми основами на *а⁰* (класса *рабъ*), перешли совершенно въ классъ этихъ послѣднихъ, причемъ въ силу специальныхъ условій сохранились лишь отдѣльныя образованія по старому типу.

Изъ сдѣланнаго мною краткаго очерка понятно, что мы не можемъ смотрѣть на аналогію, какъ на нечто ис-

ключительное, ненормальное, а, наоборотъ, должны ви-дѣть въ ней одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ жизни языка.

Третій пунктъ, по которому направлениe юнгра-матиковъ обыкновенно противополагается прежнему, это ихъ взгляды на вопросъ о происхожденіи формъ индоевропейского праалзыка, который, какъ у Бопна, такъ и у Шлейхера, стоитъ на первомъ планѣ. Изъ сопоставле-нія между собою отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ мы можемъ открыть идоевропейскій праалзыкъ эпохи его распаденія, имѣвшей за собою уже длинную исторію, и этотъ доисторическій для настѣнъ періодъ въ жизни индоевропейского праалзыка мы пока открыть не можемъ, такъ какъ мы пока не имѣемъ возможности воспользоваться для этого единственнымъ ведущимъ къ дѣли сравнитель-нымъ методомъ по той причинѣ, что пока не имѣемъ ма-теріала для его приложенія, не зная однородной съ ин-доевропейскимъ праалзыкомъ величины: научное изслѣ-дованіе семитскихъ языковъ, существующее открыть намъ прасемитской языку, лишь только начинается. Всѣдѣ-ствіе этого отрицательное отношеніе современныхъ лин-гвистовъ ко всякимъ попыткамъ проникнуть въ глубь до-исторического періода въ жизни индоевропейского пра-алзыка вполнѣ понятно и стоитъ въ связи съ успѣхами нашей науки, причемъ, однако, въ извѣстныхъ отдѣль-ныхъ случаяхъ не исключается возможность сказать кое-что и объ этомъ періодѣ, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ право это сдѣлать, опираясь на точныя данныя.

Изъ сдѣланной мною характеристики современного направления въ нашей науکѣ видно, что оно стоитъ въ тѣсной связи съ предшествующимъ періодомъ; его нельзя понимать, какъ нечто безусловно новое, неѣтъ—это толь-ко дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе.

При изложеніи исторіи сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, того отдала нашей науки, на которомъ почти исключительно сосредоточиваются ра-

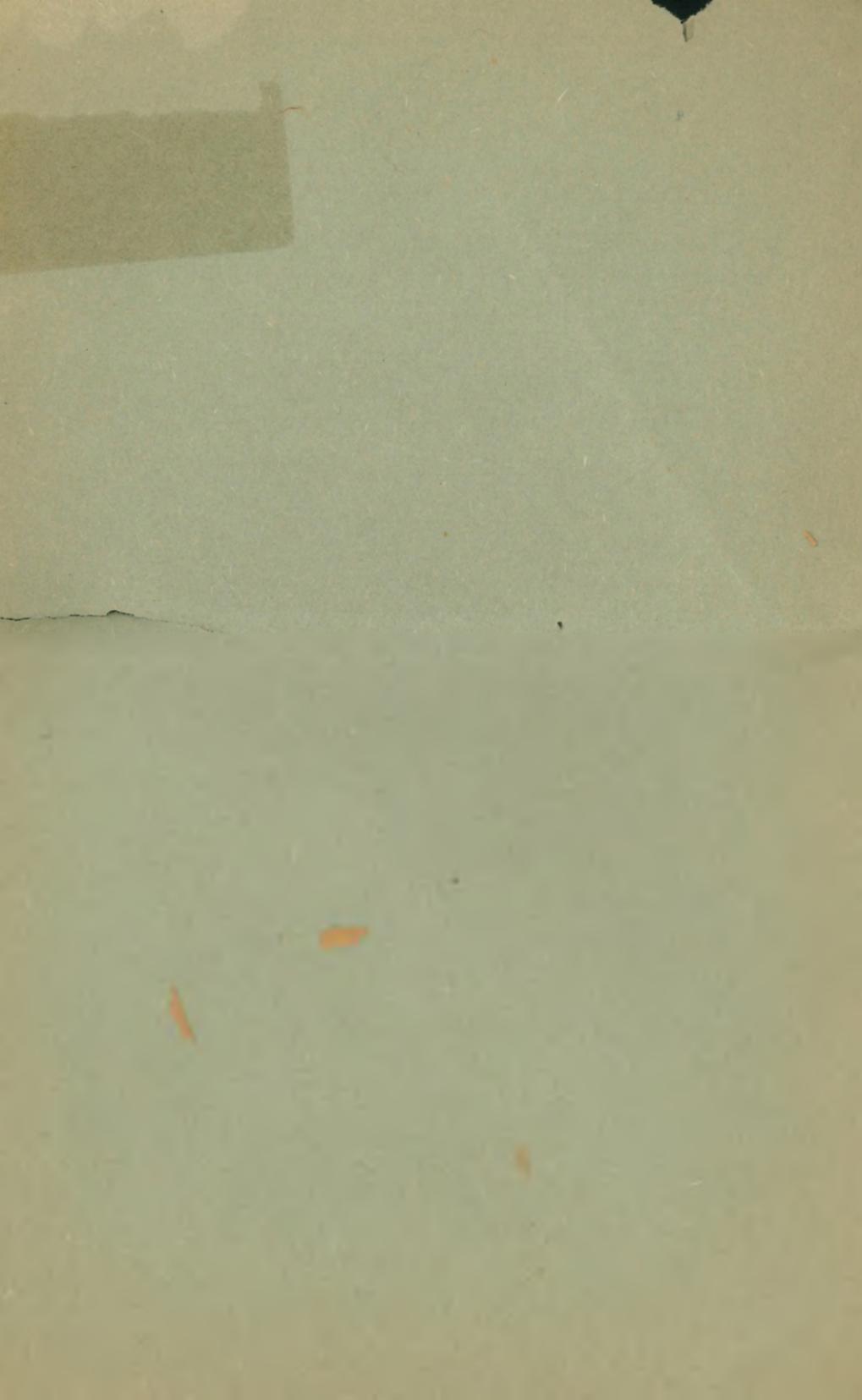
боты лингвистовъ, мнѣ приходилось уже касаться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, и я хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Наука о языке не изслѣдуетъ того, какимъ образомъ становится возможной связь какихъ бы то ни было звуковъ съ какимъ бы то ни было значеніемъ, т. е. какимъ образомъ возникаетъ языкъ словъ вообще, и не изслѣдуетъ чисто психологической стороны процессовъ, имѣющихъ отношеніе къ рѣчи; съ другой стороны, она не изслѣдуетъ и общихъ условій образованія звуковъ рѣчи. Наука о языке начинается съ того момента, когда отправляясь отъ данныхъ психологіи и извѣстнаго отදла физіологіи, мы приступаемъ къ изученію человѣческаго языка въ его исторіи, къ возможно полному и всестороннему выясненію хода его развитія, къ возможно полному и всестороннему раскрытию степени и рода участія въ немъ тѣхъ факторовъ, общія условія дѣйствія которыхъ изучаются специальная отрасли знанія, но это не значитъ, что лингвистъ можетъ пренебрегать изученіемъ извѣстныхъ частей этихъ специальныхъ наукъ, напротивъ, это является существенно необходимымъ, и значение юнг-грамматиковъ состоитъ именно въ томъ, что они многіе важные вопросы поставили на правильную теоретическую почву.

Въ то время, когда создавалась Боппомъ сравни-тельная грамматика, теоретическую для нея подкладку въ указанномъ мною смыслѣ создалъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, труды которого имѣютъ великое значеніе уже по одному тому, что онъ частью положительными результатами своихъ изслѣдований, частью даже самими своими ошибками способствовалъ признанію языка однимъ и притомъ однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій духовной дѣятельности, а этимъ самымъ былъ данъ ключъ къ выясненію того, какие же факторы принимаются участіе въ созданіи, жизни и развитіи языка. Его ученики (въ извѣстномъ смыслѣ) и послѣдователи Лацарусъ и Штейнталъ, окончательно порвали съ прежней философ-

ской грамматикой, которая видѣла въ формахъ языка, совершая при этомъ крупную логическую ошибку, лишь формы и категоріи логического мышленія. Правда, не всѣ лингвисты стояли на этой почвѣ, созданной Гумбольдтомъ и Штейнталемъ, и еще, напримѣръ, Шлейхеръ видѣлъ въ языкахъ живой организмъ въ естественноисторическомъ смыслѣ и причислялъ науку о языкахъ, въ противоположность филологии, къ наукамъ естественнымъ, но въ настоящее время врядъ ли уже возможны сомнѣнія въ томъ, что языкъ словъ есть одинъ изъ первыхъ и важнейшихъ актовъ человѣческаго духа, и потому наука о языкахъ, изучающая то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, изучающая то, что должно быть для него особенно дорого, должна представлять высокій интересъ для нынѣщаго ума.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

130505

Biblioteka WSP Kielce

0149329